

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/19986645/89/3

Лексико-грамматическая специфика номинаций фантастических птиц в русской лингвокультуре

Виолетта Михайловна Грязнова¹

¹ *Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия,
violetta-sgy@mail.ru*

Аннотация. Проблематика содержания имени собственного в лингвистике является неоднозначно понимаемой. На основе анализа значений номинаций, фантастических птиц автор выявляет континуальность их содержания в рамках оппозиций «конкретность – понятийность», «единственность – множественность». Материал позволяет сделать вывод о том, что данная группа онимов в силу культуранагруженности, приобретенной за столетия своего существования в русской культуре, занимает особое место в континууме собственное имя – нарицательное имя.

Ключевые слова: собственное имя, нарицательное имя, номинации фантастических птиц, континуальность содержания

Для цитирования: Грязнова В.М. Лексико-грамматическая специфика номинаций фантастических птиц в русской лингвокультуре // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 55–72. doi: 10.17223/19986645/89/3

Original article
doi: 10.17223/19986645/89/3

Lexico-grammatical specifics of the nominations of fantastic birds in Russian linguaculture

Violetta M. Gryaznova¹

¹ *North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation, violetta-sgy@mail.ru*

Abstract. The problems of the proper noun in linguistics are ambiguously understood, which is due to the different interpretation of the content of the onym: some scientists deny the existence of a meaning (concept and signification) of the proper noun; others believe that the knowledge stored in the human mind is behind the onyms. The relevance of the article is based on the lack of works on the specifics of the lexical and grammatical semantics of the names of fantastic birds that have been functioning in Russian linguistic culture for a long time, such as Alkonost, Gamayun, Harpy, Vulture, Griffin, Firebird, Sirin, Siren, Phoenix. The object of study is the lexical and grammatical semantics of nominations of fantastic birds characteristic of Russian linguaculture, and the focus is the peculiarities of the lexical and grammatical semantics of these nominations. Russian dictionary definitions of these lexemes and a selection of texts

including these nominations from the National Corpus of the Russian Language served as the material. The following methods were used: component analysis, the method of definitional analysis of dictionary entries, the comparative method, the method of contextual analysis. Based on the study of the meanings and uses of the nominations of fantastic birds and their functioning in direct, symbolic and metaphorical meanings, the author identifies the features of their lexical and grammatical semantics, determines that the content of these onyms changes the content and the ratio of the significative and denotative components: in some contexts they narrow their extensional, in others they expand the intensional; they are also able to develop ambiguity and acquire connotations. Within the framework of the substantive quantitative category of numbers in the grammatical semantics of the studied onyms, their approximation to common words, either concrete or abstract, occurs. In general, in speech practice, there is a continuity of the content of the nominations of fantastic birds within the oppositions “concreteness – conceptuality” and “uniqueness – multiplicity”, and a transformation of the onym as a classical index into a conditional sign (iconic or symbolic), the proper name is filled with generalized linguistic information, which is then often fixed by dictionaries. In general, the material allows the author to conclude that the studied group of proper nouns, due to the cultural load acquired over the centuries of its existence in Russian culture, occupies a special place in the continuum of a proper noun – a common noun.

Keywords: proper noun, common noun, nominations of fantastic birds, continuity of content

For citation: Gryaznova, V.M. (2024) Lexico-grammatical specifics of the nominations of fantastic birds in Russian linguaculture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 89. pp. 55–72. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/89/3

Введение. Для русской лингвокультуры характерны номинации фантастических птиц, такие как *Алконост, Гамаюн, Гарпия, Гриф, Грифон, Жар-птица, Семаргл, Сирин, Сирена, Стратим, Феникс, Финист*. Одни из них возникли в славянской культуре (*Жар-птица, Семаргл*), другие ранее относились к мифологии разных народов, а впоследствии полностью или частично утратили эту связь и в настоящее время являются принадлежностью русской народной или книжной культуры (*Алконост, Гамаюн, Гарпия, Гриф, Грифон, Сирин, Сирена, Стратим, Феникс, Финист*). По совокупным данным энциклопедических, лингвистических словарей и текстов наиболее употребительными в современном русском языке являются номинации *Алконост, Гарпия, Гриф, Грифон, Жар-птица, Сирин, Сирена, Феникс*. Так, в Основном подкорпусе НКРЯ лексема *феникс* встретилась в 374 документах, *жар-птица* – в 282, *сирена* – в 193, *грифон* – в 95, *гриф* – в 72, *гарпия* – в 53, *гамаюн* – в 34, *сирин* – в 31, *алконост* – в 30 (ср.: *финист* – в 19, *семаргл* – в 8, *стратим* – в 3) [1. С. 105]. Включенность данных существительных в состав словника словарей разных типов также неодинакова: *алконост* – 23 словаря, *феникс* – 22, *жар-птица* – 20, *грифо* – 19, *сирена* – 19, *сирин* – 17, *гарпия* – 16 (ср.: *стратим* – 9, *гамаюн* – 9, *семаргл* – 7, *финист* – 5) [1. С. 103–104].

По своей лексико-грамматической характеристике данные лексемы в прямом значении относятся к именам собственным. В лингвистике нет единого мнения об их содержании, а именно: о наличии у них значения (сигнификата), об особенностях денотативного компонента как функции имени

собственного, а также о прагматическом характере употребления их в тексте.

Лингвисты придерживаются разных точек зрения на проблематику семантики имени собственного (онима). Ряд ученых середины XX в., признавая, что у онима есть значение, отрицают наличие понятия у таких имен. Так, А.В. Суперанская пишет: «Основное свойство собственных имен – отсутствие связи с понятием. Тесная связь с единичным конкретным объектом» [2. С. 32–33]. Об отсутствии у онимов функции выражения понятия писал и А.А. Реформатский [3. С. 29–30, 57–62]. В конце XX – начале XXI в. по-прежнему нет единого мнения по поводу специфики содержания онимов. «Семантические характеристики и референциальный статус имен собственных все так же остаются камнем преткновения разных подходов и предметом острых дискуссий», – отмечает в своей статье З.А. Харитончик [4. С. 140]. В новых подходах XXI в. к изучению онимов (когнитивно-семантических, лингвокультурологических) акцентируется, что за собственными именами находятся знания, хранящиеся в сознании человека и представляющие собой определенную информацию категориального, грамматического, пресуппозитивного, ассоциативного, коннотативного, эмоционального и т.д. характера [4. С. 140; 5. С. 5–9].

Интересной представляется гипотеза А.З. Черняка [6], в соответствии с которой роль имен собственных в мышлении и коммуникации не определяется с помощью приписывания им единичных вещей в качестве денотатов, для собственных имен свойственна «антиреалистическая» семантика [6. С. 195], в которой под денотативным компонентом понимаются «идеи, логические конструкции и им подобные ментальные и психологические сущности, ассоциируемые с понятием “смысл”» [6. С. 195]. Ученый пишет: «Таким образом, я полагаю, что у языковых выражений, в том числе собственных имен, есть семантические значения, не сводимые к их использованиям, понятым как просто совокупность прошлых артикуляций этих выражений, а скорее объясняющие их. И этими значениями... являются смыслы» [6. С. 272]. В представленной теории остался без ответа фундаментальный вопрос: что есть смысл собственного имени, что признает и А.З. Черняк.

В современной отечественной науке активно разрабатывается лингвокультурологический подход к имени собственному. Так, авторы лингвокультурологического словаря среди имен собственных выделяют прецедентные, которыми они «называют “воплощенное” имя собственное, связанное с широко известным текстом, ситуацией и/или фиксированным комплексом определенных качеств, способное регулярно употребляться интенционально (денотативно)» [7. С. 23].

В то же время лексико-грамматическая специфика онимов, называющих фантастических птиц, характерных для русской лингвокультуры, до сих пор не подвергалась специальному изучению. В работе Е.Н. Зубковой в целом выявляются и описываются становление и динамика лексико-тематической группы «Фантастические птицы» в русском языке [1], в статьях А.А. Ивановой [8], Е.Ю. Полтавец [9], В.Л. Кошелевой [10] исследуются современное состояние и динамика художественных образов Жар-птицы и Финиста.

Материал и методы исследования. Материалом исследования послужили дефиниции фантастических птиц в энциклопедических и толковых словарях XIX–XX вв., а также данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ): художественная проза разных жанров и направлений, газетная и журнальная публицистика, научно-популярные тексты, мемуарно-биографические источники, бытовые и деловые тексты XIX–XXI вв. Хронологические границы русского литературного языка понимаются традиционно – от А.С. Пушкина до наших дней. Объект изучения – лексическая и грамматическая семантика номинаций, называющих фантастических птиц, характерных для русской лингвокультуры, а предмет – специфика лексической и грамматической семантики данных номинаций. Цель работы – охарактеризовать значение номинаций фантастических птиц по отношению к оппозиции «имя собственное – имя нарицательное». Кроме общенаучных исследовательских методов использовались следующие специальные лингвистические методы: компонентный анализ значения языковых единиц, метод дефиниционного анализа словарных статей, сопоставительный метод, метод контекстологического анализа.

Анализ. Номинации фантастических птиц называют уникальный, единичный предмет и в силу этого, на первый взгляд, являются знаками-индексами, ярлыками определенных конкретных объектов. Подробное описание уникальных предметов, репрезентированных такими собственными именами, характерно для энциклопедических, мифологических, этнолингвистических словарей. Большинство номинаций фантастических птиц (*Алконост, Гарпия, Гриф, Грифон, Жар-птица, Семаргл, Сирин, Сирена, Феникс*) зафиксировано в таких словарях, как «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [11], «Большая энциклопедия» С.Н. Южакова [12], «Большая советская энциклопедия» под ред. А.М. Прохорова [13], Энциклопедический словарь «Славянская мифология» под ред. В.Я. Петрухина [14], «Мифологический словарь» Е.М. Мелетинского [15], «Мифы народов мира. Энциклопедия» под ред. С.А. Токарева [16], «Словарь славянской мифологии» Е.А. Грушко, Ю.М. Медведева [17].

Покажем дефиниции изучаемых собственных имен в их прямом значении в энциклопедических, мифологических, этнолингвистических словарях на примере лексем *Жар-птица* и *Феникс*, наиболее частотных в данной группе номинаций и востребованных в различных сферах коммуникации (культурной, социальной, бытовой). Так, в НКРЯ лексема *феникс* встретилась в 374 документах, *жар-птица* – в 282 [1. С.105].

«Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона дает следующую информацию о Жар-птице: *Жар-птица является целью исканий различных героев русских сказок. Это птица, перья которой обладают способностью светить и своим блеском поражают зрение человека. Добывание Ж.-птицы сопряжено с большими затруднениями и составляет одну из главных задач, которую задает в сказке царь (отец) сыновьям. Добыть Ж.-птицу удастся лишь незлобивому младшему сыну. Мифологи (Афанасьев) объясняли Ж.-птицу как олицетворение огня, света, солнца. Оставляя в стороне произвольные мифологические объяснения, можно сопоставить*

*Ж.-птицу со средневековыми, очень популярными и в нашей, и в зап.-европ. литературе, рассказами «Физиолога» о чудной птице фениксе, возрождающейся из пепла [11. Т. 11а. С. 726–727]. В данной словарной статье **Жар-птица** описывается как уникальное существо: внешность, ее бытование в качестве персонажа в русской сказке, языческие представления предков русского народа об этой фантастической птице.*

«Словарь славянской мифологии» Е.А. Грушко, Ю.М. Медведева так характеризует **Жар-птицу**: *Воплощение лучезарного бога солнца – и в то же самое время бога грозы. Во всяком случае, она создается народным воображением из представлений о небесном огне-пламени, и сияние ее так же слепит глаза, как солнце или молния. За этой птицею, приносящей тому герою, который овладеет хоть одним ее пером, великое счастье, отправляются один за другим в неизвестный путь сказочные добры молодцы. Жар-птица живет в тридесятom царстве или у Кошца Бессмертного, в райском саду, окружающем терем Царь-девицы. Растут в том саду золотые яблоки, возвращающие молодость старикам. Днем сидит Жар-птица в золотой клетке, напевает Царь-девице райские песни: поет она – из клюва скатный жемчуг сыплется. Ночью вылетает она в сад, перья у ней отливают золотом-серебром, вся она как жар горит: полетит по саду – весь он светится разом! Одному перу ее, по словам сказок, «цена ни мало ни много – побольше целого царства», а самой Жар-птице и цены нет. Древнегреческое предание о птице Феникс, который, состарившись, взмывает в солнечную высь, зажигает от молнии гнездо свое и сам в том огне сгорает, чтобы потом возродиться, имеет нечто родственное со славянскими преданиями о Жар-птице [17. С. 89–90]. Авторы характеризуют **Жар-птицу** как уникальный образ русской когнитивной картины мира: наивные представления славян о природных явлениях, которые они связывают с фантастической птицей; как персонаж русских сказок; возможное возникновение ее образа из древнегреческих мифов.*

Тексты подтверждают функционирование лексемы **Жар-птица** в индивидуализированном понимании. *Днем сидит Жар-птица¹ в золотой клетке, напевает Царь-девице райские песни: поет она – из клюва скатный жемчуг сыплется. (Птица Феникс // Пятое измерение. 2003); «Говорит, дескать, жар-птица прилетела, с бриллиантовым клювом, а в клюве-то письмо принесла! (Ф.М. Достоевский. Ползунков. 1848).*

В «Настольном энциклопедическом словаре» А. Граната приводится следующее описание птицы **Феникс**: *мифич. Священная птица древних египтян, которая через каждые 500 лет сжигала себя и вылетала из пепла возрожденною. Изображали ее в виде орла с красными и золотыми крыльями. Впоследствии миф перешел к христианам, и Ф. служил символом вечного обновления [18. Т. 8. С. 4930]. В словаре дается описание уникальной*

¹ Названия изучаемых фантастических птиц в текстах пишутся и с прописной, и со строчной буквы. В статье сохранена орфография авторов текстов.

фантастической птицы: ее внешний облик, особенности жизненного цикла, бытование в христианской культуре.

В издании «Мифы народов мира. Энциклопедия» под редакцией С.А. Токарева указывается следующая информация о **Фениксе**: *Волшебная птица. Место её происхождения связывали с Эфиопией; считалось, что название ей дали ассирийцы. Ф. живёт 500 лет (варианты: 1460 лет или 12 954 года), имеет вид орла и великолепную окраску красно-золотых и огненных тонов. Предвидя свой конец, Ф. сжигает себя в гнезде, полном ароматических трав, но здесь же из пепла рождается новый Ф. По другой версии, Ф. умирает, вдыхая ароматы трав, но из его семени рождается новая птица, которая переносит тело своего отца в Египет, где жрецы солнца его сжигают. По версии, изложенной Геродотом (II 73), Ф. из Аравии переносит прах отца в яйцо, вылепленном из смирны, в Гелиополь, в Египет, где жрецы сжигают его [16. С. 560]. В дефиниции **Феникса** в данном мифологическом словаре акцентируется непонятность номинации, ее прямая соотнесенность с предметом: особенности внешнего вида, индивидуальная специфика смерти птицы как продолжения жизни.*

Тексты, в том числе и современные, не узкоспециального характера, подтверждают бытование лексемы **Феникс** в непонятном, индивидуализированном употреблении: *С годами механизм рождения Феникса упростился. Геродот упоминает о яйце, Плиний – о червяке, но Клавдиан в конце IV века уже описывает в стихах бессмертную птицу, возрождающуюся из пепла, наследницу самой себя и свидетеля многих веков (Птица Феникс // Пятое измерение. 2003).*

В то же время в информации энциклопедических и мифологических словарей присутствует описание и понятийных признаков, характерных для **Жар-птицы** и **Феникса** (аналогично для всех изучаемых лексем): это как минимум признаки ‘птица’, ‘фантастическая / сказочная / мифологическая’, которые включают фантастических птиц в существующую классификацию птиц, т.е. представляют собой абстракцию, и вносят понятийность в описание их содержания. В силу этого данные даже энциклопедических словарей не дают оснований назвать изучаемые собственные имена фантастических птиц классическими индексами.

Опишем позицию составителей *толковых словарей* по отношению к номинациям фантастических птиц. В предисловиях всех современных толковых словарей указывается, что собственные имена не включаются в их словник. Такова позиция Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, составителей «Словаря русского языка» в 4 томах (МАС). В БАС этот тезис уточняется: собственные имена включаются в словник, «если употребляются в символическом и нарицательном значениях». Несмотря на данное утверждение, номинации фантастических птиц, относящиеся к собственным именам в их прямом значении (не в символическом или нарицательном), зафиксированы в названных толковых словарях: **Жар-птица** (Сл. Ушакова, БАС, МАС, Сл. Ожегова), **Грифон** (Сл. Ушакова, БАС, МАС, Сл. Ожегова), **Сири́н** (Сл. Уша-

кова, БАС, МАС, Сл. Ожегова), *Гарпия* (Сл. Ушакова, БАС, МАС, Сл. Ожегова), *Феникс* (Сл. Ушакова, БАС, МАС, Сл. Ожегова), *Сирена* (Сл. Ушакова, БАС, МАС, Сл. Ожегова), *Гриф* (Сл. Ушакова, БАС, МАС), *Алконост* (БАС).

В толковых словарях дефиниции названных собственных имен являются уже описанием значения, с минимальным набором сигнификативных компонентов, таких как 'птица', 'фантастическая / сказочная / мифологическая', коррелирующих с соответствующими понятийными признаками, с добавлением различительного семантического компонента 'определенный признак, отличающий данный вид фантастической птицы от других птиц группы'. Например, в БАС дается такое описание значения слова *Жар-птица*: *нар-поэт. Сказочная птица с ослепительно светящимися, сверкающими перьями*, в котором названы два основных сигнификативных компонента ('птица', 'сказочная') и различительный ('ослепительно светящиеся, сверкающие перья') [19. Т. 4. С. 38]. Отличительный признак лексемы *Жар-птица* может видоизменяться: 'перья которой горят, как жар' [20. Т. 1. С. 848], 'с ярко светящимися перьями' [21. С. 185].

«Современный толковый словарь русского языка» С.А. Кузнецова приводит следующее толкование значения слова *Феникс*: *В мифологии некоторых народов: сказочная птица, в старости сжигаящая себя и вновь возрождающаяся из пепла молодой (символ вечного обновления, возрождения)* [22. С. 1419]. В этой дефиниции также названы два основных сигнификативных компонента ('птица', 'сказочная') и различительный 'в старости сжигаящая себя и вновь возрождающаяся из пепла молодой' (вариант 'сжигаящая себя и возрождающаяся из собственного пепла' характерен для БАС) [19. Т. 16. С. 1306].

В целом в толковых словарях описывается стереотипное представление носителей русской лингвокультуры о той или иной фантастической птице, приводится минимальный набор устойчивых признаков.

В таких дефинициях денотатом (виртуальным) изучаемых собственных имен является соотносительность номинации с целостным образом, нерасчлененным представлением о вымышленном объекте воображаемого мира в сознании носителя языка (в рамках соответствующего набора названных сигнификативных компонентов, которые отличают данную птицу от другой фантастической птицы). Источником такого денотата служат анимационные фильмы, фильмы в стиле фэнтези, лубочная и художественная литература, произведения народного и книжного изобразительного искусства: картины, иллюстрации, графика, рекламный дизайн, дизайн заставок телепрограмм и т.п., предметы декоративно-прикладного и ювелирного искусства. Такой образный денотат имеет в сознании носителя русской лингвокультуры определенные общие характеристики, хотя могут присутствовать и индивидуальные. Классифицируя виды денотатов, И.М. Кобозева замечает, что «с именами *русалка*, *кентавр*, *единорог*, несмотря на отсутствие денотата в реальном мире, ассоциируются вполне конкретные целостные образы

вымышленных существ» [23. С. 85]. Считаем, что по своей лексической семантике изучаемые нами номинации фантастических птиц в их прямом значении могут быть присоединены к данной группе слов. В то же время для их грамматической семантики не свойственна количественная оппозиция субстантивного числа (*единичность – дискретная множественность*), типичная для номинаций вымышленных существ типа *русалка*.

В собранном материале есть примеры употребления изучаемых собственных наименований в их прямом значении во множественном числе, в которых данные лексемы обладают неколичественным *видовым* значением (характерным для многих нарицательных существительных). *Все наши вещи птицы, Алконосты, Сирины, Гамаюны, настоящие, не бл...и, парят в пространстве, но самая главная Фениксом встает из красного пепла...* (Василий Аксенов. Негатив положительного героя. 1996); *В легких облаках вьющегося пара вереницей мелькают фантастические лица; воображение уносится за тридевять земель, точно в пору детства, когда засыпаешь, бывало, под сказки бабушки и летишь раздольною думою в тот волшебный мир, где живут Иван-царевичи с жар-птицами, бабы-яги да мужички с ноготок, борода с локоток* (И.Т. Кокорев. Самовар. 1849); *Всё им было в диковинку: и пылающие огнем жар-птицы, и хмурые, заросшие рыжим волосом, одетые в шкуры великаны-циклопы; и Конек-Горбунук... и медведь на цепи...* (Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Росейдона. 2004); *Он в испуге посмотрел вверх. Гарпий не было. Но что-то несомненно присутствовало в тихом теперь, как склеп, помещении* (Алексей Шинкеев. Мечты апреля // Точка зрения. 2013); *С моря ли вихрь? Или сирины райские в листьях поют? Или время стоит?* (Виктор Розов. Удивление перед жизнью. 1960–2000); *Проходим в бесшумный египетский сад, где качаются днем в ветвях изумрудные сирины-птицы, где лепеты капелек из ноздреватого камня подкрадутся сладкою болью; та сладость Египта есть ложная сладость* (Андрей Белый. Африканский дневник. 1922); *Третью категорию мы тоже отставим в сторону, так как она, наоборот, чисто натуралистическая: включает в себе памятки о вымерших чудовищных птицах и ящерах: драконы, птица-Рок, грифы, орлы и прочие благодетели сказочных героев* (А.В. Амфитеатров. Жар-цвет. 1895); *И, делая страшные глаза, они рассказывали, что золото стерегут там страшные грифы и что много труда и опасностей пришлось вынести им, чтобы вырвать у страшных стражей этих их сокровища* (Ф. Наживин. Глаголют стяги. 1935); *Образ этого таинственного и странного существа, известного еще на Древнем Востоке, в средневековой Европе часто присутствует в гербах и изображениях, прославляющих правителей и полководцев (согласно «Роману об Александре» именно грифоны вознесли Македонского на небо)* (Т. Акимова. Музей Виктории и Альберта. Лондон. 2012); *Посредине оного находилась серебряная с водою лохань, поддерживаемая золотыми львами, в которой четыре сирины на поверхности держали большую раковину, на коей послана была чистая и белая морская пена...* (М.Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки. 1766–1768).

Уместно отметить, что «Словарь русского языка», составленный II отделением Императорской Академии наук 1897 г. в толковании значения слова **Жар-птица** указывает форму множественного числа этой номинации и подтверждает ее примером из сказки П. Ершова «Конек-горбунок»: **Жар-птица**, -ы, мн. жар- и жары-птицы, ж. Сказочная птица, перья которой ослепительно светятся, горят, как жар. Вот сюда-то до зарницы Прилетают жары-птицы. Ерш. Кон.-горб. [24. Т. 2, вып. 1. С. 239].

В таких употреблениях (имеются в виду формы множественного числа от собственных номинаций фантастических птиц в их прямом значении) происходит некоторая типизация виртуального денотата: единичность редуцируется, но конкретность и индивидуальность остаются. Денотат представляет собой целостный образ фантастической птицы, репрезентированный как вид. В таких случаях образный денотат как существующее в русском лингвокультурном сообществе стереотипное нерасчлененное восприятие номинации определенной фантастической птицы представляется более «осязаемым» в силу того, что служит обозначением классификационного элемента систематики. В подобных контекстах для грамматической семантики номинаций фантастических птиц свойственна оппозиция *единичность – неколичественная множественность* (в варианте ‘видовая множественность’), что сближает их с нарицательными именами, называющими дискретные (*стакан, береза*) и недискретные (*вино, масло, нежность*) множества в видовом значении.

Причиной функционирования собственных наименований фантастических птиц в неколичественном множественном числе считаем влияние такого свойства грамматических категорий, в том числе и субстантивного числа, как обязательность. По формальным признакам данные имена относятся к единственному числу, а специфика их значения не позволяет модифицировать значение по количественному признаку (оппозиции один предмет – два и более предмета). Конфликт между обязательностью и специфическими свойствами значений номинаций фантастических птиц приводит к возникновению употреблений с неколичественным значением, в которых реализуется виртуальный денотат этих имен видового характера, приближающийся к денотату нарицательных дискретных и недискретных имен.

Многие из изучаемых имен собственных имеют переносные значения и смыслы, среди которых метафорические и символические, что усиливает их понятийность. Переносные значения метафорического характера, по данным толковых словарей и текстов, характерны для номинаций **Жар-птица, Феникс, Гарпия, Сирена**. Символические значения свойственны лексемам **Жар-птица, Феникс, Алконост, Сирин, Гарпия**.

Переносные значения и употребления. В толковых словарях переносное значение у номинации **Жар-птица** отсутствует, хотя для речевой практики характерно метафорическое значение ‘похожая по своему облику: одежде, головному убору и т.п. на жар-птицу (зооморфная метафора)’. *Потому что лучшие в руках такая синица, как Ксюха Рябцева, или, на худой конец, такая курица, как Надька Ковальчук, чем эта заморская жар-птица* (Светлана

Крещенская. Черный лебедь, белый лебедь... // Ковчег. 2014); Каждая из них будет выглядеть к тому же невестой. Не серьезной, основательной традиционной невестой в белом пышном одеянии с фатой и шлейфом. Нет, все произойдет как будто понарошку, не всерьез. Так, как маленькие девочки мечтают о своих свадьбах, когда до этого еще далеко-далеко. **Жар-птицы** – невесты – в многоцветных радужных нарядах. У каждой фата. У кого-то в виде маленького хохолка, ярко-красная, как гребешок у курочки. У кого-то – синяя прозрачная вуаль. Ведь Синяя птица символ счастья... (Г.М. Артемьева. Фата на дереве. 2012).

Также для речевой практики характерно такое метафорическое значение лексемы **Жар-птица**, как 'яркая, красивая женщина'. В партнерши себе Аркадий непременно решил подыскать красавицу, но не просто вульгарно-сладенькую мордашку, а неотразимую, ослепительную женщину, такую **Жар-птицу**, чьей привлекательности и красоты с лихвой хватило бы на двоих. <...>. Так, они стали выступать вместе – маленький человек Аркадий и красавица Ольга. Помимо невероятно влекущей, какой-то пьяняще-загораживающей внешности, у нее обнаружился приятный хриловатый голос, и этого было вполне достаточно, чтобы составить с Кашиновым своеобразный дуэт. Правда, ее красота еще контрастнее подчеркнула уродство маленького артиста, но это было уже несущественно (Яна Кузнецова. Любовь лилипута (2001) // Семья. 14.11.2001).

У лексемы **Феникс** метафорическое значение зафиксировано в словаре Даля: // редкий, по дарованиям своим, человек, более шуточн. [25. Т. 4. С. 1136], а также в МАС: **Феникс**. 2. О ком-, чем-л. поразительном, единственном в своем роде [26. Т. 4. С. 558]. В речи встречается редко. По нашим данным, из 374 документов со словом **феникс** в НКРЯ данное значение встретилось только в двух. Пораженные умом, способностями, ученостью и красотой зятя, тесть и теща ежесекундно благодарили судьбу, даровавшую их дочке такого **феникса** (Григорович. Проселочные дороги); Во-вторых, батюшке чрезмерно хотелось также видеть, что за **феникс** Евгения на театре, и порадоваться ее минутному торжеству (И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни. Ч. 3. 1788–1822).

Метафорические значения номинации **Гарпия** отмечаются в энциклопедических и толковых словарях. В Большой советской энциклопедии под ред. А.М. Прохорова отмечено такое переносное значение: В переносном смысле **Гарпия** – злая женщина [13. Т. 6. С. 131].

Это значение частотно для речевой практики, хотя и не отмечено в толковых словарях. Принужден был говорить с этой несносной старой девой Анной Максимовой, с отвратительной **гарпией**, которая вешается на меня и на Вольдемара вместе и которая живет у них вроде компаньонки, родственницы, гувернантки или, точнее, приживалки (А.А. Григорьев. Офелия. 1846); ...аппарат стоял в приемной дантиста, американца Lawson, сожительница которого Мте Дисатр, седая **гарпия**, за своим

письменным столом среди флаконов кроваво-красного Лоусоновского элексира, поджимая губы и скребя в волосах, суетливо прикидывала, куда бы вписать нас с Таней (В.В. Набоков. Дар. 1935–1937); Нина, уже молодая женщина, получила взамен любимой мачехи родную мать, одноглазую **гарпнию**, полную злобы и параноидальной преданности вождю (Людмила Улицкая. Медя и ее дети. 1996); Проханов, судя по сцене в ЦДЛ, действительно уверен, что теперь класс женщин-критикесс сузился, а класс **гарпний** – расширился, и все за счет изъятия из одного и появления в другом все той же А. Латыниной (Л.А. Данилкин. Человек с яйцом. Жизнь и мнения Александра Проханова. 2007).

Такие толковые словари, как БАС и Сл. Даля, описывают метафорическое значение слова **Гарпия** без привязки к гендеру: ‘мучитель, истязатель, кровопийца’ [19. Т. 3. С. 4325; 25. Т. 1. С. 849]. В речевой практике это значение встречается редко. По нашим подсчетам, из 53 документов со словом **гарпия** в НКРЯ данное значение встретилось только в трех. После М.Я. фон Фока сделан членом тайной полиции некто Мордвинов, вроде нравственной **гарпии**, жаждущей выслужиться чем бы то ни было (А.В. Никитенко. Дневник. 1834); И у бедных родителей остается только один выход: униженно кланяясь, носить в школу презенты, надеясь, что **гарпия** не станет ежедневно плеваться ядом в их ребенка (Дарья Донцова. Микстура от косоглазия. 2003); После сего, сии ненасытные **гарпии**, забрав даже ни к чему годные тряпицы и последние остатки съестных припасов, уехали (З. Стабровский. Замечания священника Захария Стабровского. 1830–1836).

Энциклопедические и толковые словари описывают метафорическое значение номинации **Сирена** однотипно. В Большой советской энциклопедии под ред. А.М. Прохорова читаем: В переносном смысле Сирены – обольстительные красавицы, чарующие своим голосом [13. Т. 23. С. 449]; в Сл. Даля **Сирена** – лукавая соблазнительница [25. Т. 4. С. 163]; в БАС – «перен. о красивой, обольстительной, но бездушной женщине [19. Т. 13. С. 847] – аналогично МАС, Сл. Кузнецова.

Тексты подтверждают это переносное значение. Когда я увидел ее снимок на обложке пластинки, она, черноволосая и кареглазая, ясное дело, показалась мне натуральной **сиреной** (В.А. Ермолинец. Свинцовый дирижабль «Иерихон 86-89» // Волга. 2008); По словам матери, каждая девушка (кроме Наташи, конечно), недурная собой, была **сиреной**, подходит к которой губельно и опасно для молодого человека, особенно такого «глупенького», каким она нередко называла своего любимого сына (Станюкович. Оригинальная пара. 1877).

В метафорических значениях и употреблении номинаций фантастических птиц выявляются денотаты с новым содержанием, соответствующим появившимся сигнификативным признакам (‘лукавая соблазнительница’ у слова **Сирена**, ‘злая женщина’ у лексемы **Гарпия** и т.п.), находящиеся в отношениях сходства или ассоциации с прототипическим денотатом (представлением) о той или иной вымышленной птице. Подобные «двойные» де-

нотаты свойственны многим нарицательным существительным в переносных значениях (*молния* как ‘застежка’, *шпильки* как ‘каблуки’ и т.п.). По специфике грамматической семантики (выражению количественной оппозиции *единичность – множественность*) номинации фантастических птиц в переносном значении полностью совпадают с нарицательными существительными.

Символические значения и употребления, «закрывающие в себе символ, художественный образ, условно передающий какую-л. мысль, идею, переживание» [19. Т. 13. С. 810]. Выявление символических значений относится к лингвокультурологическому анализу, который заключается в извлечении из образа его этнокультурной значимости и является основным в лингвокультурологии, под которой в работе понимается «дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе» [27. С. 12]. Лингвокультурологический анализ также применяется в семантике, что характерно для данной работы. Последовательно символическое значение фиксируется в толковых словарях только у номинации **Феникс** – ‘символ вечного обновления, возрождения’ (в БАС, МАС, Сл. Ушакова, Сл. Ож. – Шв., Сл. Кузнецова, в Русском семантическом сл.).

В текстах это значение слова **Феникс** частотно. Именно на ее пепелище и восстала, как птица **феникс**, старая газета «Биржевые ведомости (Михаил Ефимов. От запрета до расцвета // Огонек. 2014); ...смерть есть только переход из одного бытия в другое, возрождение **феникса** из пепла... (А.А. Бестужев-Марлинский. Он был убит. 1835–1836).

Символические значения лексемы **Жар-птица** (‘нечто несбыточное, труднодостижимое’, ‘слава’, ‘успех’) в современных толковых словарях (БАС, МАС, Сл. Ушакова, Сл. Ож. – Шв., Сл. Кузнецова, Русский семантический сл.) не выделяются. В Сл. Ож. – Шв., Русском семантическом словаре описывается значение выражения «*Найти (достать) перо жар-птицы, поймать жар-птицу* (перен.: о счастье, удаче)», в котором номинация **Жар-птица** имеет символическое значение [28. Т. 1. С. 458].

В текстах данные смыслы встречаются часто. Но референт уже крепко держал в руках за хвост свою **жар-птицу** и не собирался ее упускать (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 5. 1978); То был вроде бы необходимый и полезный для профессии тренаж сценографа, подспорье для основной деятельности, а потом, не знаю точно в какой именно момент, А.П. Васильев вдруг поймал за хвост **жар-птицу** и начал с невиданной скоростью рисовать удивительные картины (М.А. Захаров. Театр без вранья. 2007); Определили, например, генетики, что ген *АроЕ* у человека действительно влияет на продолжительность жизни, как тут же им померещилось, что еще один шаг – и они поймут за хвост **жар-птицу** бессмертия (Зиновий Юрьев. Смертельное бессмертие // Наука и жизнь. 2007); Будет до старости искать **жар-птицу**, а настоящая-то жизнь в это время уйдет между пальцев (А.И. Герцен. Кто виноват? 1841–1846).

Символические значения номинаций **Алконост** и **Сирин** в толковых словарях не зафиксированы. Лексема **Сирин** характеризуется во всех толковых

словарях только в своем прямом значении как имя собственное: *В древнерусской литературе и народных сказаниях Си́рин – фантастическая птица с женским лицом и женской грудью* [19. Т. 13. С. 849] – аналогично МАС, Сл. Ушакова, Сл. Ож. – Шв. Слово *Алконост* отмечено только в БАС как имя собственное уникальной птицы: *Алконост, а, м. Фольк. Сказочная птица с человеческим лицом, изображавшаяся на старинных лубочных картинах* [19. Т. 1. С. 94].

Символические значения названных номинаций птиц зафиксированы в энциклопедических словарях. Так, в Краткой энциклопедии славянской мифологии Н.С. Шапаровой читаем: *...некоторые поверья называли алконоста птицей радости* [29. С. 25]. В издании «Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания под ред. С.Н. Южакова» указывается: *Как символ Си́рин означает в народных произведениях вообще горе, несчастье* [12. Т. 17. С. 415].

Образы *Сирина* и *Алконоста* как райских птиц, воплощающих счастье, были очень популярны в древнерусской и средневековой культуре. Их изображения были найдены на глиняной посуде многих древнерусских городов, золотых подвесках Киевской Руси, бордюрах христианских книг, в резьбе каменных соборов Владимира; они характерны и для допетровских литературных памятников (Азбуковников, Хронографов); для лубочной и профессиональной литературы изобразительного и ювелирного искусства. В русском изобразительном искусстве и поэзии XIX–XX вв. *Алконост* и *Си́рин* – семиотическая оппозиция печали и радости, традиционный сюжет, однако символические значения этих номинаций, зафиксированные в энциклопедических словарях, являются противоположными¹, что демонстрирует неоднозначность этих символов в обыденном сознании носителя русского языка. Так, одна их картин Виктора Васнецова названа «Си́рин и Алконо́ст. Песнь радости и печали». Александр Блок написал стихотворение с аналогичным названием «Си́рин и Алконо́ст. Птицы радости и печали»:

*Густых кудрей откинув волны,
Закинув голову назад,
Бросает Си́рин счастья полный,
Блаженств нездешних полный взгляд.
<...>
Другая – вся печалью мощной
Истощена, изнурена...
Тоской вседневной и всенощной
Вся грудь высокая полна...*

¹ Например, в «Энциклопедии славянской мифологии» Н.С. Шапаровой читаем: «При этом некоторые поверья называли алконоста птицей радости... пение алконоста считалось прекрасным, но безвредным. <...> Некоторые поверья называли... сирина птицей печали... пение сирина – губительно чарующим; человек, слышав его, будто бы забывал обо всем на свете и вскоре умирал» [29. С. 25].

Аналогичное восприятие символических значений названных номинаций находим и у Владимира Высоцкого в стихотворении «Купола»:

*Птица **Сири́н** мне радостно скалится,
Веселит, зазывает из гнёзд,
А напротив тоскует-печалится,
Травит душу чудной **Алконост**.*

Большинство энциклопедических, мифологических, толковых словарей не зафиксировали символическое значение номинации **Гарпия**. Только в «Объяснительном словаре иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней» А.Д. Михельсона отмечается следующее символическое значение номинации: **Гарпия** – *символ ненасытимой грязной жадности и скупости* [30. С. 157], но речевая практика XX–XXI вв. не подтверждает это значение.

В символических значениях (соответственно ‘бессмертие и возрождение’, ‘удача’, ‘счастье’, ‘радость’ ‘печаль’) номинации **Жар-птица**, **Феникс**, **Алконост**, **Сири́н**, **Гарпия** переживают опустошение своего денотативного слоя, по своему денотату они приближаются к абстрактным нарицательным именам типа *красота*, хотя образный слой (целостное представление о вымышленной птице) остается в их содержании как прототипический компонент. Осуществляется трансформация индекса в условный знак, лексическая семантика онима наполняется содержанием отвлеченного характера, в процессе коммуникации у него появляются оценочные смыслы. Для грамматической семантики наименований фантастических птиц в символических употреблениях, как и для нарицательных отвлеченных имен типа *красота*, не характерна субстантивная количественная оппозиция *единичность* – *множественность*.

Результаты. В целом в содержании *многозначных* номинаций фантастических птиц (**Жар-птица**, **Феникс**, **Гарпия** имеют и метафорические, и символические значения либо употребления, **Алконост**, **Сири́н** – символические, **Сирена** – метафорические) в процессе их функционирования в речи меняется наполнение и соотношение сигнификативного и денотативного компонентов: в одних контекстах они (компоненты) сужают свой экстенсионал, в других расширяют интенционал, способны развивать многозначность, приобретают коннотативную нагруженность. В рамках субстантивной количественной категории числа в грамматической семантике онимов происходит их приближение к нарицательным словам, либо конкретным, либо абстрактным. В общем в речевой практике осуществляется трансформация изучаемого онима как классического индекса в условный знак (иконический или символический), собственное имя наполняется обобщенной языковой информацией, что затем нередко фиксируется словарями.

Отсутствие четко означенных границ в рамках лексико-грамматической и собственно лексической информации изучаемых номинаций фантастических птиц демонстрирует расплывчатость, нестабильность, реальную кон-

тинуальность конкретности и понятийности, единичности и множественности (дискретной и неколичественной) в содержании названных лексем. Имена фантастических птиц, будучи собственными по своим первоначальным сущностным семантическим характеристикам, обретают черты нарицательных.

Континуальность содержания изучаемых номинаций обусловлена длительным влиянием культуры на бытование этих лексем в русском языке, вхождением образов фантастических птиц *Алконост, Гамаюн, Гарпия, Гриф, Грифон, Жар-птица, Сирин, Сирена, Феникс* в картину мира русского народа. Изучаемая группа собственных имен в силу культуронагруженности, приобретенной за столетия своего существования, занимает особое место в континууме собственное имя – нарицательное имя.

Условные сокращения

БАС: Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : АН СССР, 1950–1964.

МАС: Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1988.

Ож. – Шв.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : АЗЪ, 1994.

Сл. Даля: Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля : в 4 т. М. : Прогресс-Универс, 1994.

Сл. Кузнецова: Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000.

Сл. Ушакова: Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : ТЕРРА–TERRA, 1965.

Список источников

1. *Зубкова Е.Н.* Лексико-семантическая группа «Фантастические птицы» как фрагмент русской языковой картины мира: история и современное состояние : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2021. 348 с.

2. *Суперанская А.В.* Апеллятив – онома // Имя нарицательное и собственное. М., 1978. С. 32–33.

3. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М., 1967. 542 с.

4. *Харитончик З.А.* Семантическая неопределенность имен собственных, или что значит «Ты – настоящий Эйнштейн!» // Знаки языка и смыслы культуры : сб. науч. трудов, посвященный памятного юбилею Вероники Николаевны Телия. Москва ; Тамбов, 2020. С. 140–147.

5. *Демьянков В.З.* О когнитии, культуре и цивилизации в трансфере знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 5–9.

6. *Черняк А.З.* Семантика референции и значения собственных имен. М. : Ленанд, 2020. 400 с.

7. *Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В.* Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. 1. М. : Гнозис, 2004. 318 с.

8. *Иванова А.А.* Жар-птица в русской культуре: к проблеме эволюции художественного образа // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке. М., 2019. С. 18–32.

9. *Полтавец Е.Ю.* Феникс и фабула о трагической неосуществимости любви // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке. М., 2019. С. 118–131.
10. *Кошелева В.Л.* Русская жар-птица: от лубка до синема: о воплощениях этого сказочного образа в русской культуре // Московский журнал. История государства Российского. 2010. № 5 (233). С. 66–75.
11. *Энциклопедический словарь* : в 86 т. / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон ; под ред. К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. СПб., 1894. Т. 11а. 958 с.
12. *Большая энциклопедия: словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний: энциклопедическое издание* : в 22 т. / под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1904. Т. 17. 794 с.
13. *Большая советская энциклопедия* : в 30 т. / под ред. А.М. Прохорова М. : Сов. энциклопедия, 1971. Т. 6. 591 с.; 1976. Т. 23. 623 с.
14. *Славянская мифология. Энциклопедический словарь* / под ред. В.Я. Петрухина, Т.А. Агапкиной, Л.Н. Виноградовой, С.М. Толстой. М. : Эллис Лак, 1995. 416 с.
15. *Мифологический словарь* / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М. : Сов. энциклопедия, 1990. 672 с.
16. *Мифы народов мира : энциклопедия* : в 2 т. / под ред. С.А. Токарева. Т. 2. М. : Сов. энцикл., 1992. 719 с.
17. *Грушко Е.А., Медведев Ю.М.* Словарь славянской мифологии. Н. Новгород : Русский купец: Братья славяне, 1995. 368 с.
18. *Настольный энциклопедический словарь* : в 8 т. (116 вып.). М. : А. Гарбель и К°; А. Гранат и К°, 1901. Т. 8 (вып. 99–116). С. 4555–5358.
19. *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. М. ; Л. : АН СССР, 1950. Т. 1. 767 с.; 1954. Т. 3. 1339 с.; 1955. Т. 4. 1363 с.; 1962. Т. 13. 1515 с.; 1964. Т. 16. 1610 с.
20. *Толковый словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ТЕРРА – TERRA, 1965. Т. 1. 1562 с.
21. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М. : АЗЪ, 1994. 907 с.
22. *Большой толковый словарь русского языка* / под ред. С.А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000, 1536 с.
23. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 350 с.
24. *Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук* / ред. акад. Я.К. Грот. СПб., 1897. Т. 2, вып. 1. 577 с.
25. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. 1743 с.; Т. 4. 1619 с.
26. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1988. Т. 4. 795 с.
27. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
28. *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений* / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. I. М. : Азбуковник, 2001. 799 с.
29. *Шапарова Н.С.* Краткая энциклопедия славянской мифологии: ок. 1000 статей. М. : АСТ; Русские словари, 2001. 624 с.
30. *Михельсон А.Д.* Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней: сост. по словарям Гейзе, Рейфа и др. 9-е изд. М., 1883. 752 с.

References

1. Zubkova, E.N. (2021) *Leksiko-semanticheskaya gruppa "Fantasticheskie ptitsy" kak fragment russkoy yazykovoy kartiny mira: istoriya i sovremennoe sostoyanie* [Lexico-semantic

group “Fantastic birds” as a fragment of the Russian language picture of the world: history and current state]. Philology Cand. Diss. Stavropol.

2. Superanskaya, A.V. (1978) *Imya naritsatel'noe i sobstvennoe* [Common and Proper Noun]. Moscow: Nauka. pp. 32–33.

3. Reformatskiy, A.A. (1967) *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. Moscow: Prosveshchenie.

4. Kharitonchik, Z.A. (2021) Semanticheskaya neopredelennost' imen sobstvennykh, ili chto znachit “Ty – nastoyashchiy Eynshteyn!” [Semantic uncertainty of proper nouns, or what does “You are a real Einstein!” mean?]. In: Kovshova, M.L. (ed.) *Znaki yazyka i smysly kul'tury* [Signs of Language and Meanings of Culture]. Moscow; Tambov: Institute of Linguistics RAS; Izdatel'skiy dom “Derzhavinskiy”. pp. 140–147.

5. Dem'yankov, V.Z. (2016) O kognitsii, kul'ture i tsivilizatsii v transfere znaniy [On cognition, culture and civilization in the transfer of knowledge]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 4. pp. 5–9.

6. Chernyak, A.Z. (2020) *Semantika referentsii i znacheniya sobstvennykh imen* [Semantics of Reference and Meaning of Proper Nouns]. Moscow: Lenand.

7. Brileva, I.S. et al. (2004) *Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskiy slovar'* [Russian Cultural Space: Linguistic and cultural dictionary]. Vol. 1. Moscow: Gnozis.

8. Ivanova, A.A. (2019) Zhar-ptitsa v russkoy kul'ture: k probleme evolyutsii khudozhestvennogo obraza [The Firebird in Russian culture: to the problem of the evolution of the artistic image]. In: Smirnova, A.I. et al. (eds) *Ptitsa kak obraz, simvol, kontsept v literature, kul'ture i yazyke* [Bird as an Image, Symbol, Concept in Literature, Culture and Language]. Moscow: Knigodel. pp. 18–32.

9. Poltavets, E.Yu. (2019) Feniks i fabula o tragicheskoy neosushchestvosti lyubvi [Phoenix and the plot about the tragic impossibility of love]. In: Smirnova, A.I. et al. (eds) *Ptitsa kak obraz, simvol, kontsept v literature, kul'ture i yazyke* [Bird as an Image, Symbol, Concept in Literature, Culture and Language]. Moscow: Knigodel. pp. 118–131.

10. Kosheleva, V.L. (2010) Russkaya zhar-ptitsa: ot lubka do sinema: o voploshcheniyakh etogo skazochnogo obraza v russkoy kul'ture [Russian Firebird: from lubok to cinema: about the incarnations of this fairy-tale image in Russian culture]. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*. 5 (233). pp. 66–75.

11. Arsen'ev, K.K. & Petrushevskiy, F.F. (eds) (1894) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary]. Vol. 11a. Saint Petersburg: I.A. Efron.

12. Yuzhakov, S.N. (ed.) (1904) *Bol'shaya entsiklopediya: slovar' obshchedostupnykh svedeniy po vsem otraslyam znaniy: entsiklopedicheskoe izdanie* [Great Encyclopedia: A dictionary of publicly available information in all branches of knowledge: encyclopedic edition]. Vol. 17. Saint Petersburg: Tovarishestvo “Prosveshchenie”.

13. Prokhorov, A.M. (ed.) (1971; 1976) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Vols 6; 23. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

14. Petrukhin, V.Ya. (ed.) (1995) *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic Mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Ellis Lak.

15. Meletinskiy, E.M. (ed.) (1990) *Mifologicheskiy slovar'* [Mythological Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya.

16. Tokarev, S.A. (ed.) (1992) *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

17. Grushko, E.A. & Medvedev, Yu.M. (1995) *Slovar'slavyanskoy mifologii* [Dictionary of Slavic Mythology]. Nizhny Novgorod: Russkiy kupets; Brat'ya slavyane.

18. Granat, A.N. & Granat, I.N. (eds) (1901) *Nastol'nyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Desktop Encyclopedic Dictionary]. Moscow: A.Garbel' i K°; A. Granat i K°. Vol. 8 (99–116). pp. 4555–5358.

19. Chernyshev, V.I. (ed.) (1950; 1954; 1955; 1962; 1964) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. Vols 1, 3, 4, 13, 16. Moscow; Leningrad: USSR AS.
20. Ushakov, D.N. (ed.) (1965) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: TERRA – TERRA.
21. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1994) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: AZ”.
22. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint.
23. Kobozeva, I.M. (2000) *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic Semantics]. Moscow: Editorial URSS.
24. Grot, Ya.K. (ed.) (1897) *Slovar' russkogo yazyka, sostavlenyy Vtorym otdeleniem Imperatorskoy Akademii nauk* [Dictionary of the Russian Language, Compiled by the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 2. Issue 1. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
25. Dal', V.I. (1994) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka : v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes]. Vols 1, 4. Moscow: Progress-Univers.
26. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1988) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
27. Krasnykh, V.V. (2002) *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology]. Moscow: Gnozis.
28. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2001) *Russkiy semanticheskii slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znacheniy* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings]. Vol. 1. Moscow: Azbukovnik.
29. Shaparova, N.S. (2001) *Kratkaya entsiklopediya slavyanskoy mifologii: okolo 1000 statey* [Brief Encyclopedia of Slavic Mythology: About 1000 articles]. Moscow: AST; Russkie slovari.
30. Mikhel'son, A.D. (1883) *Ob'yasnitel'nyy slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkiy yazyk, s ob'yasneniem ikh korney: sost. po slovaryam Geyze, Reyfa i dr.* [Explanatory Dictionary of Foreign Words That Have Come into Use in the Russian Language, with an Explanation of Their Roots: Compiled according to the dictionaries of Geise, Reif et al.]. 9th ed. Moscow: Russkaya tip. A.O. Lyutetskogo.

Информация об авторе:

Грязнова В.М. – д-р филол.наук, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия). E-mail: violetta-sgy@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.M. Gryaznova, Dr. Sci. (Philology), professor, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: violetta-sgy@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.07.2023;
одобрена после рецензирования 14.03.2024; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted 08.07.2023;
approved after reviewing 14.03.2024; accepted for publication 27.05.2024.